

П 9082

8417

ТЕРНИИ
БЕЗЪ
РОЗЪ
СБОРНИКЪ

ВЪ ПОЛЪЗУ ОСУЖДЕННЫХЪ
СОЦІАЛЪДЕМОКРАТИЧЕСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ
ВТОРОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ. 1903.

2

ТЕРНІИ БЕЗЪ РОЗЪ...

ИЗДАНИЕ
„ГОЛОСА СОЦІАЛЬДЕМОКРАТА“

Уроки прошлаго.

Дѣятельность социальдемократической фракціи 2-ой Думы отошла въ область невозвратнаго прошлаго. Совершенно излишне было бы доказывать теперь, что переворотъ 3-го іюня и арестъ социальдемократическихъ депутатовъ составляетъ государственное преступленіе въ полномъ смыслѣ слова. Это знаетъ весь цивилизованный міръ, и, — что въ данномъ случаѣ важнѣе всего, — это знаетъ самъ г. Столыпинъ. Уже въ одномъ изъ первыхъ засѣданій 2-ой Думы, онъ, возражая одному изъ кадетскихъ ораторовъ, прямо заявилъ, что для него сила выше права. У меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія оспаривать это, далеко впрочемъ, не новое мнѣніе. Я готовъ даже благодарить г. Столыпина за его откровенность. Въ настоящую же минуту единственнымъ несправданнымъ, неутопическимъ вопросомъ представляется мнѣ слѣдующій вопросъ:

Какъ должны мы поступать для того, чтобы російскій народъ получилъ возможность силой поддержать свое неоспоримое право?

Какъ видно изъ печатаемыхъ въ этомъ сборникѣ статей т.т. Митрова, Джапаридзе, Церетели и другихъ, вопросъ этотъ очень сильно интересовалъ нашихъ товарищей-депутатовъ 2-ой Думы съ самаго начала ихъ парламентской дѣятельности. Т. Митровъ называетъ его даже трагическимъ вопросомъ. И очень полезно будетъ посмотреть, какія данныя для рѣшенія этого вопроса заключаются въ опытѣ нашей фракціи 2-ой Думы. Мы должны постараться, какъ можно лучше воспользоваться этимъ опытомъ, за который такъ жестоко заплатились бывшіе члены этой фракціи, а въ ихъ лицѣ и всѣ социальдемократы Россіи.

Присмотримся же къ нему.

Т. Митровъ говоритъ: „Трагедія, которую я разумѣю, была не на поверхности народной жизни (видимая трагедія въ видѣ обнищанія и голодовокъ — обычное явленіе), — трагедія таилась внутри народной души, будучи скрыта отъ взоровъ постороннихъ наблюдателей. Эту трагедію пере-

жило — сознаниемъ или чувствомъ, — я думаю, большинство членовъ Второй Государственной Думы всѣхъ партій — за исключеніемъ, разумѣется, „правыхъ“, для которыхъ „трагедія“ состояла въ ихъ поражении на выборахъ.

„Трагическій конецъ, постигшій большую часть депутатовъ партіи, представлявшей наиболѣе широкіе слои населенія (городскую и деревенскую бѣдноту) и что, бы ни говорили о недостаткахъ ея организаціи, ближе другихъ партій стоявшей и стоящей къ массѣ населенія, — этотъ конецъ является, такъ сказать, видимымъ завершеніемъ внутренней трагедіи“.

Въ чемъ же состояла главная особенность тогдашняго народнаго настроенія? Ее можно кратко характеризовать словами: *несоответствіе характера народныхъ требованій съ характеромъ того, что народъ считалъ нужнымъ и возможнымъ сдѣлать для ихъ осуществленія.*

Самымъ главнымъ изъ всѣхъ требованій, предъявляемыхъ народомъ, было требованіе земли. „Правда, — замѣчаетъ т. Митровъ, — представители рабочаго класса говорили нѣсколько другимъ языкомъ, но то, что говорилось ими и раздѣлялось массой рабочихъ, и въ ихъ рабочей психологіи не затемняло важности вопроса о землѣ. „Земли“ несло со всѣхъ сторонъ и въ одинъ голосъ. Такъ, выдвинутое исторіей, національное требованіе владѣло умами всѣхъ...“

Требованіе земли было равносильно требованію экспроприаціи господствующаго въ Россіи сословія — крупныхъ землевладѣльцевъ. Чтобы осуществить это *экономическое требованіе*, нужно было имѣть *политическую власть*. Политическая власть могла попасть въ руки народа только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ обнаружилъ непобѣдимую революціонную силу. Спрашивается, были ли въ то время на лицо эти два необходимыхъ условія?

Чтобъ добиться политической власти, народъ долженъ стремиться къ ней, а чтобъ стремиться къ ней, онъ долженъ былъ сознавать, что его экономическія требованія не могутъ быть осуществлены иначе, какъ путемъ политической революціи. Было ли это понято избирателями т. Митрова? На этотъ счетъ мы узнаемъ отъ него вотъ что: „непосредственныя впечатлѣнія были таковы, что, несмотря на то, что населеніе соглашалось съ вами, когда вы говорили о неразрывной связи экономики съ политикой, земли и воли, когда предоставлялось слово этому самому населенію, оно умѣло ясно и опредѣленно формулировать только одно: „земли“. Тутъ каждый выступавшій являлся настоящимъ историко-

экономистомъ, ибо самымъ детальнымъ образомъ разсказывалась вамъ исторія того или другого поселенія, того или другого винограднака, отношеній съ ближайшими землевладѣльцами, и дѣлались расчеты наиболѣе выгоднаго распоряженія землей“.

Итакъ, избиратели т. Митрова были „историко-экономистами“, а совсѣмъ не политиками. Они хорошо знали мѣстную исторію различныхъ земельныхъ угодій, но они ограничивались тѣмъ, что „соглашались“ съ людьми, говорившими о неразрывной связи экономики съ политикой, земли съ волей, а когда слово предоставлялось имъ самимъ, то они умѣли только повторить все то-же экономическое требованіе: „земли“. Такъ было въ эпоху выборовъ во II-ую Думу, и такъ же остается въ значительной степени до сихъ поръ. Недавно крестьянская группа III-ей Думы внесла заявленіе о необходимости скорѣйшаго разсмотрѣнія закона 9-го ноября для того, чтобъ, разѣхавшись на лѣто, крестьяне-депутаты могли дать отчетъ своимъ избирателямъ о томъ, что было имъ сдѣлано по этому вопросу. Въ этомъ заявленіи очень характерны слѣдующіе два пункта:

„1) Мы, представители крестьянъ всей Россіи, желаемъ напомнить государственной Думѣ и правительству, что главная цѣль нашего пребыванія въ Думѣ — земельный вопросъ. 2) Причемъ прибавляемъ, что на этой почвѣ у насъ нѣтъ партійныхъ различій, и въ I-ой, и II-ой, и въ III-й Думѣ мы стояли и стоимъ на одномъ: необходимо разрѣшить земельную нужду крестьянъ“.

Заявленіе это надѣлало страшнаго переполоху въ лагерѣ нашихъ реакціонеровъ. Да и не удивительно. Своимъ заявленіемъ крестьяне показали, что аграрный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ ни военными судами, ни карательными экспедиціями, и что, съ другой стороны, пока онъ не будетъ рѣшенъ, на крестьянъ отнюдь нельзя будетъ возлагать прочныя консервативныя упованія. По поводу преній о платежахъ, идущихъ съ крестьянскихъ земель, „Свѣтъ“ писалъ: „Общее впечатлѣніе этихъ преній неприятное. Можно опасаться, что интрига, которую ведутъ революціонеры и кадеты среди депутатовъ-крестьянъ, возымѣла свое дѣйствіе, и крестьяне, заговоривъ о своихъ нуждахъ въ Думѣ, сразу заняли такую позицію, будто Дума это враждебный интересамъ крестьянства лагерь.“ (Цитировано въ № 130 „Рѣчи“.)

Я оставляю въ сторонѣ вопросъ объ „интригѣ“, которую будто бы ведутъ среди депутатовъ-крестьянъ кадеты и революціонеры. Кадеты печатно протестовали противъ того утвержденія, что они стараются приобрѣсти вліяніе на крестьянъ.

янских депутатов. И я не вижу причины не верить имъ. А что касается *революционеров*, — напимърь, социальдемократовъ, — то для ихъ вліянія на крестьянскихъ *депутатовъ* еще нужно проложить путь посредствомъ систематическаго вліянія на ихъ *избирателей*. Но какъ бы то ни было, несомнѣнно одно.

Нынѣшняя Дума есть въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ враждебный интересамъ крестьянства лагерь, и крестьянскіе депутаты, — къ какой бы партіи ни принадлежали они — никоимъ образомъ не могутъ видѣть въ крупныхъ землевладѣльцахъ своихъ друзей и защитниковъ. На несомнѣнномъ и непримиримомъ антагонизмѣ интересовъ крестьянства съ одной стороны и крупныхъ землевладѣльцевъ съ другой основывается возможность революціоннаго воздѣйствія на крестьянство. Но это воздѣйствіе требуетъ во всякомъ случаѣ времени, и теперь еще трудно сказать, когда именно принесетъ оно всѣ тѣ плоды, которые можетъ и должно принести. А въ ожиданіи этихъ плодовъ надо смотрѣть на положеніе дѣлъ трезвыми глазами и не забывать, что заявленіе, внесенное отъ имени крестьянской группы, совсѣмъ не свидѣтельствуетъ о большомъ политическомъ развитіи нашихъ крестьянскихъ депутатовъ. Крестьяне и теперь, — какъ это было во время выборовъ во 2-ую Думу, — умѣютъ рѣзко и опредѣленно формулировать только одно требованіе: „земли“. А связано ли это экономическое требованіе съ какими нибудь политическими задачами, это для нихъ до сихъ поръ остается темнымъ. Вотъ почему всѣ они, безъ различія партій, категорически заявляютъ: „главная цѣль нашего пребыванія въ Думѣ — земельный вопросъ“. Ясно видя свою цѣль, они не видятъ тѣхъ средствъ, которые могли бы привести ихъ къ ней. Стало быть, ошибаются не только реакціонеры, вообразившіе, что *политическая темнота* крестьянъ сдѣлаетъ этихъ послѣднихъ надежнымъ оплотомъ стараго порядка. Ошибаются также и тѣ революціонеры, которые убѣдили себя въ томъ, что экономическое требованіе земли *уже сдѣлало* изъ крестьянина *политическаго единомышленника и надежнаго союзника пролетарія*.

Уже въ 5-мъ номерѣ своего „Дневника Социальдемократа“ я указывалъ, (см. Статью „Къ аграрному вопросу въ Россіи“), что нынѣшнее настроеніе крестьянина, требующаго „земли“, создано не революціонерами, а „исторіей государства російскаго“. Русское государство, говорилъ я тамъ, постепенно сдѣлалось тѣмъ Левиафаномъ, о которомъ мечталъ Томасъ Гоббсъ, и который надѣляетъ cadaго участкомъ земли, смотря по его занятію и положенію. Землевладѣніе стало

необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія ратной службы; оно же стало не менѣе необходимымъ условіемъ исправнаго отбыванія „тяглыми людьми“ своихъ повинностей по отношенію къ государству. Такова была экономическая основа нашего стараго порядка. Не трудно понять, какова должна была быть выросшая на этой экономической основѣ идеологическая „надстройка“... Если земля составляетъ необходимое условіе исправнаго отбыванія тяглыми людьми своихъ обязанностей по отношенію къ государству, то совершенно естественно, что „государевы сироты“ требуютъ, — по своему, по „сиротски“, но все-таки требуютъ, — новаго земельного передѣла всякій разъ, когда имъ даетъ себя чувствовать „земельное утѣсненіе“*). Но требованіе новаго земельного передѣла вовсе еще не составляетъ въ глазахъ „государевыхъ сиротъ“ революціоннаго требованія. Совсѣмъ напротивъ! „Когда крестьянинъ, незатронутый революціонной пропагандой, — а, вѣдь, затронутыхъ пока все таки незначительное меньшинство, — говоритъ о необходимости отобранія земли у помѣщиковъ, то ему и въ голову не приходитъ, что онъ потрясаетъ какія-нибудь „основы“. Совершенно наоборотъ. Онъ считаетъ себя *охранителемъ* той экономической основы, которая освящена въ его глазахъ вѣками, потому что на ней въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ держалось русское государство. Потому-то онъ искренно считаетъ *бунтовщиками* помѣщиковъ, противящихся передѣлу. И въ нѣкоторомъ смыслѣ, — въ смыслѣ *сознательнаго* стремленія, — онъ въ самомъ дѣлѣ является охранителемъ.“**) Вотъ такими-то охранителями и являются безъ сомнѣнія тѣ „правые“ крестьяне, которые требуютъ теперь земли отъ третьей Думы. И есть основаніе думать, что къ подобнымъ же „охранителямъ“ принадлежала значительная часть избирателей т. Митрова. Именно этимъ обстоятельствомъ и объясняется указанное мною выше несоотвѣтствіе между характеромъ экономическихъ требованій крестьянъ и характеромъ тѣхъ средствъ, съ помощью которыхъ крестьяне надѣялись осуществить свои требованія. „Мы васъ поддержимъ“, говорили избиратели т. Митрову и другимъ лѣвымъ депутатамъ. Но что значило въ ихъ устахъ это обѣщаніе поддержки? Вѣроятнѣе всего то, что, когда лѣвые депутаты заговариваютъ въ Думѣ о землѣ, тогда ихъ избиратели готовы будутъ хоть подъ присягой подтвердить, что безъ земли народу, дѣйствительно, „некуда податься“. Но отъ такого подтвержденія

*) „Къ аграрному вопросу въ Россіи“. Дневникъ Социальдемократа № 5 стр. 13.

**) Тамъ же, стр. 15.

еще очень далеко до революционной поддержки требованій крайней лѣвой. Т. Митровъ говоритъ: „Помню одного кубанца — казака, съ которымъ мнѣ пришлось ѣхать вмѣстѣ двѣ станціи желѣзной дороги; тотъ формулировалъ свой взглядъ на Государственную Думу и ея тактику образно, отразивъ въ общемъ и взглядъ всего населенія (Кубанской обл., по крайней мѣрѣ). Государственная Дума должна быть подобна невѣстѣ, которая, когда входитъ въ домъ мужа, бываетъ вначалѣ всегда послушной, а потомъ, какъ только осмотрится, обживется, становится полной хозяйкой“.

Это уже даже не „тактика“, а можно сказать, цѣлая стратегія. Но въ этой стратегіи обнаруживается совсѣмъ не революціонная психологія. Если Государственная Дума подобна молодой женѣ, входящей въ домъ мужа, то, вѣдь, извѣстно, что, по народнымъ понятіямъ, не мужъ долженъ повиноваться женѣ, а жена — мужу. Ясно стало быть, что черноморскому стратегу и въ голову не приходила та мысль, что Государственная Дума могла бы сыграть по отношенію къ своему „мужу“, — т. е. къ верховной власти, — на примѣръ, ту роль, которую сыграла когда-то матушка Екатерина по отношенію къ своему августѣйшему супругу. Черноморскій стратегъ прежде всего хотѣлъ, чтобы жена не ссорилась съ мужемъ, а была бы послушна ему. Только черезъ послушаніе могла бы она, по его мнѣнію, приобрести такое влияние на мужа, которое сдѣлало ее полной хозяйкой въ домѣ. Трудно придумать болѣе „оппортюнистическую“ стратегію; но другой стратегіи пока еще нельзя было ожидать отъ такихъ людей, которые, предъявляя радикальныя экономическія требованія, считали и, — какъ сказано мною выше, не могли не считать, — эти требованія консервативными по своему существу.

И замѣтите, что психологія казака, высказавшаго т. Митрову свои стратегическія соображенія, отнюдь не была исключительной. Вѣдь т. Митровъ категорически говоритъ, что впослѣдствіи для него стало несомнѣнно, что и во всей Россіи населеніе думало такъ же, что оно вездѣ „такъ же“ формулировало большое требованіе „земли“ и ту же тактику безсилія“.

Склонность населенія къ тактикѣ *безсилія* обуславливалась тѣмъ, что оно въ большинствѣ случаевъ еще совсѣмъ плохо понимало, зачѣмъ могла понадобиться и въ чемъ могла состоять тактика революціонной *силы*. Болѣе того, населеніе еще не привыкло смотрѣть на себя, какъ на источникъ политической силы: оно надѣялось, наоборотъ, что

Дума явится той силой, которая защититъ его отъ его вѣковыхъ угнетателей. Въ дѣйствительности, конечно, только народъ могъ сдѣлать Думу сильной. А народу казалось, что Дума сдѣлаетъ его сильнымъ, благодаря своему близкому отношенію къ „мужу“, т. е. къ верховной власти. Этого было достаточно для того, чтобъ народъ остался совершенно неподвижнымъ при разгонѣ Думы.

Народъ, — говоря это, я имѣю въ виду крестьянскую и по-крестьянски настроенную массу, — очень многого ждалъ отъ Думы; но онъ даже не представлялъ себѣ, что онъ можетъ активно *поддержать* ее. И это можно сказать также и о томъ народѣ, который, будучи оторванъ отъ сохи, одѣвается по распоряженію начальства въ военный мундиръ и размѣщается по полкамъ, батареямъ и флотскимъ экипажамъ.

Въ своей статьѣ „Солдаты и Госуд. Дума“ т. Л. Герусъ говоритъ, что, когда появилась на свѣтъ божій Государственная Дума, солдаты перенесли надежды на осуществленіе своихъ скромныхъ казарменныхъ желаній съ отцовъ-командировъ на народныхъ представителей. „Какъ и многіе другіе, они думали, что стоитъ только народнымъ представителямъ сказать слово, какъ отъ этого слова все родится. Они были увѣрены, что одного слова народныхъ представителей будетъ достаточно, чтобы ихъ гнусное казарменное положеніе было уничтожено. И казарма ждала—ждала и мечтала, что вотъ-вотъ Г. Дума и на нее броситъ свои милостивые взоры и заговоритъ объ облегченіи ея участи.“

Но какъ много ни мечтала „казарма“ о тѣхъ милостяхъ, которыя могла бы пролить на нее Госуд. Дума, несомнѣнно то, что двукратный разгонъ народныхъ представителей возможенъ былъ только благодаря „казармѣ“. Еслибы населеніе Петербурга возстало на защиту разгоняемыхъ народныхъ представителей, то „казарма“ стала бы стрѣлять въ него, какъ стрѣляла она въ рабочихъ 9-го января 1905 года. Я готовъ допустить, что тутъ возможны были блестящія исключенія; но общее правило все-таки свелось бы къ тому, что „казарма“, ждавшая милостей отъ Думы, стала бы разстрѣливать населеніе, еслибы оно ополчилось за Думу. Психологія „казармы“ создавалась по образу и подобию психологіи крестьянской массы. Солдатъ, который въ качествѣ сына деревни долженъ былъ хорошо понимать значеніе „великаго національнаго требованія земли“, былъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ слѣпъ по отношенію къ тѣмъ политическимъ условіямъ, безъ наличности которыхъ рѣшеніе аграрнаго вопроса останется праздною мечтою.

Таково было положеніе дѣлъ. Нужно было ровно ниче-

го не понимать въ этомъ положеніи, чтобы отстаивать тактику, основывавшуюся на вѣрѣ въ то, что вооруженное возстаніе есть уже „достигнутая ступень“ нашего движенія, какъ увѣряли насъ „большевики“ на стокгольмскомъ съѣздѣ. Если послѣ разгона I Думы Ленинъ рекомендовалъ посредствомъ революціонныхъ „троекъ“ и „пятерокъ“ вызвать вооруженное возстаніе, не дожидаясь выборовъ во II Думу, то этимъ доказывалось только то, что почтенный вождь „большевиковъ“ оставался закоренѣлымъ утопистомъ.

Но кромѣ защитниковъ *утопической* тактики, въ рядахъ россійской социалъдемократіи было не мало сторонниковъ тактики *социалъдемократической* въ истинномъ значеніи этого слова.

Какъ же именно формулировали наши товарищи, депутаты II Думы, задачи этой тактики въ виду той „тактики безсилія“, которая рекомендовалась имъ значительной, — крестьянской, — частью ихъ избирателей?

Тутъ мы прежде всего обратимся къ статьѣ т. Джапаридзе: „Социалъдемократическая фракція во II Госуд. Думѣ“.

Т. Джапаридзе тоже утверждаетъ, что въ эпоху II Думы объ открытомъ возстаніи народа противъ правительства нельзя было и задумываться. „Могла ли она (т. е. наша фракція Г. П.), предъявляя народныя требованія, грозить правительству силой пославшаго ее народа, — спрашиваетъ онъ, — могла ли она, показывая всю призрачность конституціонныхъ устоевъ, призывать народъ къ открытому возстанію? Конечно, нѣтъ.“

„Фракція понимала, что подобный характеръ выступленій осудилъ бы ее на роль крикливой кучки, оторванной отъ реальной дѣйствительности и размахивающей никому не страшнымъ картоннымъ мечемъ. Она понимала, что призывъ къ дѣйствию въ данную минуту, въ случаѣ успѣха, имѣлъ бы своимъ слѣдствіемъ лишь изолированное возстаніе сознательной части пролетаріата, который былъ бы неминуемо и безопадно распластанъ на землѣ“.

Представители пролетаріата ясно видѣли, что въ данную минуту соотношеніе силъ въ нашей странѣ не позволяетъ надѣяться на успѣшное революціонное выступленіе. Народъ, — т. е. та огромная масса населенія, которая шла за передовымъ пролетаріатомъ, но далеко отстала отъ него въ смыслѣ сознательности, — настоятельно рекомендовалъ социалъдемократическимъ представителямъ ту тактику, которую т. Митровъ мѣтко назвалъ „тактикой безсилія“. Наша фракція не могла закрывать глаза на неоспоримый фактъ этой настоятельной рекомендаціи. Закрывать на нето глаза зна-

чило бы удалиться въ область утопіи. Но съ другой стороны она не могла и помириться съ „тактикой безсилія“. Примириться съ нею значило измѣнить революціонной природѣ и революціонной миссии пролетаріата. Гдѣ же былъ выходъ изъ этого противорѣчія, которое въ самомъ дѣлѣ могло показаться трагическимъ? Выходъ былъ одинъ: фракція должна была позаботиться о томъ, чтобы измѣнить соотношеніе общественныхъ силъ въ смыслѣ благопріятномъ для революціи. Она должна была позаботиться о томъ, чтобы революционизировать народное сознаніе. Чѣмъ успѣшнѣе исполняла бы она эту обязанность, тѣмъ болѣе подготавливалась бы почва для примѣненія революціонной тактики силы вмѣсто рекомендованной избирателями „тактики безсилія“. И наша фракція немедленно принялась за исполненіе этой своей обязанности.

„Увѣренная сама въ невозможности мирнаго законодательнаго преобразованія страны, продолжаетъ т. Джапаридзе, фракція старалась внушить эту увѣренность и населенію; она старалась показать ему, что даже самыя элементарныя права не могутъ быть добыты народомъ безъ упорной и неуклонной борьбы. Для того, чтобы концентрировать вниманіе страны на обсуждаемыхъ въ Думѣ вопросахъ, и для того, чтобы особенно рельефно показать пропасть между желаніями и стремленіями народа съ одной стороны, и правительства съ другой, с.-д.-ая фракція старалась выдвигать на первый планъ наиболѣе насущные вопросы народной жизни; она стояла всегда за принципиальныя дебаты въ Думѣ по всѣмъ важнымъ вопросамъ и неустанно боролась съ к.-д.-ами, желавшими перенести всѣ общіе дебаты въ комиссіи въ видахъ якобы „работоспособности“ Думы“

Указавъ далѣе на то, что наша фракція широко пользовалась правомъ запросовъ и, — для установленія дѣйствительнаго контроля надъ исполнительной властью, — во всѣхъ важныхъ случаяхъ требовала посылки на мѣста особыхъ делегатовъ-членовъ Думы и даже слѣдственныхъ комиссій, т. Джапаридзе говорить:

„Осуществляя такимъ образомъ наряду съ социалистическимъ воспитаніемъ пролетаріата и задачу политическаго воспитанія всего народа, с.-д.-ая фракція сосредоточивала вниманіе широкихъ слоевъ населенія на думской работѣ и, разъясняя всю иллюзорность правъ Думы, не подкрѣпленной организованнымъ силой народа, она связывала съ Думой невидимыми нитями всѣ элементы, пробуждаемые Думой къ политической жизни, она спланировала вокругъ

Думы эти элементы, чтобы въ дальнѣйшемъ опереться на нихъ въ трудной борьбѣ со старымъ порядкомъ“.

Это была какъ разъ та тактика, основныя положенія которой были сформулированы стокгольмскимъ съѣздомъ нашей партіи. На эту тактику нападали съ двухъ точекъ зрѣнія: одни обвиняли ее въ оппортунизмѣ; другіе находили, что въ ней слишкомъ много утопическаго революціонизма.

Въ оппортунизмъ ее обвиняли тѣ, которые были твердо убѣждены, что вооруженное возстаніе есть уже „достигнутая ступень“ нашего освободительнаго движенія. Всякій видитъ теперь, что люди, державшіеся этого убѣжденія, жестоко ошибались. Въ своихъ тактическихъ разчетахъ („учитывая“ современную „ситуацію“), эти люди брали народъ не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а такимъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть... чтобъ удовлетворить ихъ идеалу революціоннаго народа и не посрамить ихъ революціонныя „директивы“.

Тѣ, которые обвиняли эту тактику въ *утопическомъ революціонизмѣ*, дѣлали ошибку другого рода. Они, несомнѣнно, считались съ тогдашнимъ настроеніемъ народа; они понимали, что въ данную минуту огромная масса избирателей не идетъ дальше „тактики безсилія“. Тутъ они были правы. Но они какъ нельзя больше ошибались тогда, когда дѣлали эту „тактику безсилія“ тактикой своей собственной партіи и когда хотѣли навязать ее партіи пролетаріата.

Чтобы надѣяться на плодотворность „тактики безсилія“, нужно было обладать политической неразвитостью той массы избирателей, которая еще оставалась въ полной неизвѣстности насчетъ связи экономики съ политикой. Чтобы вѣрить въ плодотворность этой тактики, нужно было вѣрить въ политическое чудо: въ самоубійство стараго порядка. Но вѣра въ политическія чудеса именно и есть утопизмъ и эта вѣра, въ данномъ случаѣ, отнюдь не переставала быть утопической отъ того, что люди, зараженные ею, — члены партіи народной свободы, — были чужды революціонныхъ стремленій. Утопизмъ не всегда бываетъ революціоннымъ.

Люди, упрекавшіе и до сихъ поръ продолжающіе упрекать тактику нашей фракціи во 2-ой Думѣ въ утопическомъ революціонизмѣ, въ своихъ политическихъ разчетахъ брали и берутъ народъ, какимъ онъ былъ и есть въ своей политической неразвитости. Они не хотѣли взглянуть на народъ, какимъ онъ *становится* и какимъ онъ *долженъ становиться* по мѣрѣ того, какъ его политическая неразви-

тость исчезаетъ подѣ влияніемъ тяжелыхъ уроковъ жизни, — по мѣрѣ того, какъ онъ становится сознательнымъ. И именно потому, что они не хотѣли взглянуть на народъ съ этой точки зрѣнія, — которая одна только и достойна серьезныхъ политическихъ дѣятелей, потому что общественная жизнь сама есть непрерывный *процессъ становленія*, — они лишали себя возможности оказывать сколько нибудь серьезное содѣйствіе политическому воспитанію народной массы.

Люди, упрекавшіе нашу фракцію въ утопическомъ революціонизмѣ, твердили ей: довольно словъ, пора перейти отъ словъ къ дѣлу. Но въ чемъ же состояло самое важное дѣло того момента? Въ чемъ состоитъ самое важное дѣло всего переживаемаго Россіей историческаго періода? Въ томъ, чтобы создать такую силу, которая могла бы съ успѣхомъ противостать силѣ реакціоннаго правительства. У враговъ нашего стараго порядка, какъ таковыхъ, не можетъ быть никакого другого дѣла въ смыслѣ самостоятельной политической задачи. Всякое другое дѣло должно быть подчинено этому главному дѣлу; всякое другое дѣло должно оцѣниваться съ точки зрѣнія этого главнаго дѣла: хорошо, полезно, революціонно все то, что способствуетъ этому главному дѣлу; дурно, вредно, антиреволюціонно все то, что мѣшаетъ ему. И если партія народной свободы отказывалась дѣлать это дѣло, то этимъ она только показывала, что въ борьбѣ со старымъ порядкомъ она сама не способна перейти отъ словъ къ дѣлу.

Съ этой же точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія главной политической задачи враговъ стараго порядка, — приходилось разсматривать и пресловутый вопросъ о „береженіи Думы“. Разъ отказавшись отъ идеи бойкота; разъ признавъ полезнымъ участіе своихъ представителей въ Думѣ, російская соціалдемократія естественно должна была „беречь“ Думу, подобно тому, какъ всякій воинъ долженъ беречь то оружіе, которымъ онъ надѣется нанести болѣе или менѣе сильные удары своему врагу. Но воинъ дорожить своимъ оружіемъ только до тѣхъ поръ, пока оно даетъ ему возможность наносить такіе удары. Точно такъ же и соціалдемократія могла дорожить Думой лишь въ той мѣрѣ, въ какой Дума давала ей возможность колебать старыя порядки, развивая политическое сознаніе народа. „Беречь“ Думу во что бы то ни стало; отказываться ради ея „береженія“ отъ развитія этого сознанія, значило поворачиваться спиной къ своей собственной цѣли, значило измѣнять своей первой и самой главной обязанности.

Социалдемократическая фракція такъ и смотрѣла на этотъ вопросъ. „Кромѣ небольшой сравнительно кучки думскихъ черносотенцевъ, говоритъ т. Джапаридзе, никто, конечно, не хотѣлъ роспуска Думы, но задачи и методы „береженія“ Думы были различны у различныхъ фракцій. Цѣною долгой и упорной борьбы социалдемократія получила наконецъ возможность прорваться на думскую трибуну, откуда она могла открыто говорить предъ всѣмъ народомъ, и, разумѣется, она отнюдь не желала разстаться съ этимъ правомъ. Неизгладимымъ преступленіемъ считала бы социалдемократія всякій шагъ, разсчитанный при данныхъ условіяхъ на захватъ новыхъ правъ силами Думы при отсутствіи народнаго движенія, такъ какъ при такомъ шагѣ правительство получило бы возможность напасть на народное представительство, сохраняя всю видимость конституціонности. Но, оберегая Думу, социалдемократія дорожила ею постольку, поскольку Дума выполняла роль политическаго цемента, стягивающаго народныя массы и толкающаго ихъ къ дальнѣйшей борьбѣ. Въ тотъ день, когда Дума перестала бы удовлетворять своему назначенію, она обратилась бы въ пустую и жалкую говорильню, не имѣющую никакой цѣны въ глазахъ социалдемократіи“.

Словомъ, въ своихъ тактическихъ разсчетахъ наша фракція брала народъ не такимъ, какимъ онъ долженъ былъ бы быть по мнѣнію нѣкоторыхъ нетерпѣливыхъ революціонеровъ, и не такимъ, какимъ онъ былъ въ своей политической неразвитости, мѣшавшей ему понять связь экономикки съ политикой, а такимъ, какимъ онъ становился въ процессѣ обнаруженія нашихъ политическихъ противорѣчій. Вся ея тактика, отъ перваго до послѣдняго своего слова, была разсчитана на сильное содѣйствіе этому развитію. И когда мы теперь бросаемъ взоръ на дѣятельность нашей фракціи II-ой Думы, мы должны съ благодарностью признать, что эта фракція совершенно правильно поняла свою задачу политической представительницы сознательнаго пролетаріата, значительно опередившаго въ своемъ политическомъ развитіи крестьянскую массу и существенно заинтересованнаго въ томъ, чтобы воспитать эту массу въ революціонномъ духѣ. Тактика нашей фракціи во II-ой Думѣ является ея политическимъ завѣщаніемъ, и наша политическая зрѣлость будетъ обнаруживаться въ той самой мѣрѣ, въ какой мы окажемся способными понять и исполнить это завѣщаніе.

Говоря это, я вовсе не думаю утверждать, что наша фракція во II-й Думѣ совсѣмъ не ошибалась. Во-первыхъ, никогда не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ,

а во-вторыхъ, наши товарищи съ прямою, вполне достойной представителей пролетаріата, сами сознаются въ своихъ ошибкахъ. Но я прошу читателя замѣтить, что самыя важныя изъ этихъ ошибокъ лежатъ вовсе не тамъ, гдѣ ихъ ищутъ наиболѣе усердные хулители тактики нашей фракціи.

Самая главная изъ этихъ ошибокъ чрезвычайно мѣтко указана т. Церетели, который говоритъ: „обсужденіе тактики вмѣсто ея осуществленія было вообще самымъ крупнымъ грѣхомъ нашихъ первыхъ шаговъ, самымъ неподходящимъ приемомъ, перенесеннымъ изъ партійной обстановки въ Думу“. Это въ самомъ дѣлѣ очень крупный грѣхъ, и я указывалъ на него еще на лондонскомъ съѣздѣ нашей партіи. Въ самомъ дѣлѣ, японцы встрѣчая русскія войска, не читали имъ лекцій на тему о томъ, какой тактики они будутъ держаться въ борьбѣ съ ними, а просто-на-просто били ихъ, пользуясь своимъ тактическимъ превосходствомъ. Но утопическіе хулители нашей фракціи полагали, что ея главная боевая задача заключается именно въ чтеніи подобныхъ лекцій, и если наши товарищи не хотѣли читать ихъ, то они вопили объ оппортунизмѣ, объ измѣнѣ революціи, пролетаріату и т. п.

Энгельсъ справедливо говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Зорге, что никакое движеніе не даетъ такъ много безплодной работы, какъ такое, которое находится еще на сектантской ступени развитія. Въ послѣдніе годы наше движеніе фактически поднялось значительно выше сектантской ступени развитія; но психологія многихъ его „руководителей“, къ сожалѣнію, не успѣла приспособиться къ новымъ политическимъ условіямъ и осталась насквозь пропитанной сектантскимъ духомъ. Эти отсталые „руководители“ движенія, далеко переросшаго ихъ, задали очень много безплодной работы сознательнымъ представителямъ російскаго пролетаріата въ думской фракціи. Кто захочетъ вообразить ту обстановку, въ которой приходилось работать такимъ представителямъ, тотъ непременно долженъ принять во вниманіе ту безплодную работу, которая навязывалась имъ отсталостью ихъ сектантски-мыслящихъ товарищей.

Когда я читаю или слышу слова: „социалдемократическая фракція во II Думѣ“, я невольно вспоминаю энергичное, серьезное, но въ то же время грустное лицо т. Церетели, и мнѣ кажется, что грусть, наложившая свой отпечатокъ на это серьезное и энергичное лицо, вызывалась не чѣмъ инымъ, какъ именно мыслью о той огромной, но безплодной работѣ, которую предстояло совершить этому товарищу въ скучной вознѣ съ политическими предразсудками своихъ утопическихъ хулителей. Интересно, что воспоминаніе объ

этой вознѣ сквозить и въ печатаемой въ этомъ сборникѣ статьѣ т. Церетели. Какъ видно, подѣ влияніемъ воспоминаній о нихъ т. Церетели и заговорилъ о тактическихъ грѣхахъ нашей фракціи. Но, какъ и слѣдовало ожидать, онъ заговорилъ о нихъ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ кричали его партійные противники. У него вышло, что самымъ крупнымъ грѣхомъ нашей фракціи было не то, что она разрывала съ сектантскими преданіями, а то, что она все-таки дѣлала нѣкоторыя, невольныя уступки этимъ преданіямъ. Уступки же этимъ преданіямъ въ томъ и состояли, что вмѣсто осуществленія тактики являлось иногда ея обсужденіе... подѣ огнемъ непріятеля.

Т. Церетели очень хорошо характеризуетъ неудобства подобныхъ уступокъ. Онъ говоритъ, что, когда онъ готовилъ первую рѣчь, произнесенную имъ въ Думѣ, то главную свою задачу онъ видѣлъ въ указаніи той позиціи, которую займетъ наша фракція въ отношеніи къ правительству, и той тактики, которой она будетъ держаться въ борьбѣ съ нимъ. Непосредственная критика правительственныхъ дѣйствій представлялась ему второстепенной задачей. „И лишь въ моментъ произнесенія рѣчи, — признается онъ, — когда часть, посвященная критикѣ правительсва, вызвала вниманіе, котораго я не ожидалъ, и превратилась вслѣдствіе перерывовъ справа почти въ сплошной діалогъ, для меня самого эта сторона выступила на первый планъ. И наоборотъ, — по тому, какъ охладѣло вниманіе аудиторіи, лишь только я перешелъ къ выясненію тактики, по тому, какъ стихли крики справа, я почувствовалъ ненужность этихъ разсужденій и подѣ влияніемъ этого чувства урѣзывалъ то, что считалъ прежде самымъ важнымъ. Но, конечно, и то, что я успѣлъ сказать о тактикѣ, было излишне, какъ излишни всякія разсужденія о приемахъ борьбы тамъ, гдѣ надо бороться“.

Это такъ. И если т. Церетели нѣсколько неправъ, то неправъ лишь въ одномъ отношеніи: онъ все таки не всегда достаточно энергично отгѣняетъ въ своей статьѣ, что тамъ, гдѣ надо бороться, разсужденія излишни. Вотъ, на примѣръ, говоря о рѣчи Алексинскаго по бюджетному вопросу и указывая на то, что въ этой, длившейся болѣе часу, рѣчи, ораторъ критиковалъ крѣпостническую политику правительства, противорѣчащую насущнымъ потребностямъ страны, т. Церетели замѣчаетъ:

„Но о социалистическихъ мотивахъ онъ сказалъ всего два слова: предлагая Думѣ отвергнуть бюджетъ, онъ указалъ, что мы, социалисты, со своей стороны отказали бы въ санкціи не только этому, но и всякому классовому бюджету

но что отверженіе *этого* бюджета мы считаемъ прямой обязанностью всего большинства Думы, если оно на дѣлѣ желаетъ быть вѣрнымъ задачамъ демократіи. Было ли это вызвано забвеніемъ или игнорированіемъ задачи социалистической пропаганды? Мнѣ кажется — нѣтъ. Конечно, лучше было нѣсколько подробнѣе развить нашъ принципиальный взглядъ на классовый бюджетъ вообще, но суть вопроса не въ этомъ. И при самомъ подробномъ изложеніи эта сторона должна была въ данныхъ условіяхъ отступить на второй планъ. Какъ бы мы ни относились къ классовому бюджету вообще, но фактически передъ нами былъ бюджетъ самодержавнаго правительства, приходившій въ столкновение съ жизненными интересами всей страны своимъ характеромъ *крѣпостнически* классоваго бюджета. И удары, направляемые противъ него, не заключали въ себѣ ничего специфически социалистическаго“.

Это опять такъ. Удары, наносимые бюджету самодержавнаго правительства, ничего социалистическаго въ себѣ не имѣютъ. И тѣмъ не менѣе т. Церетели дѣлаетъ совершенно ненужную уступку своимъ хулителямъ изъ утопическаго лагеря, говоря: „мнѣ кажется, что наносить удары самодержавному правительству не значило забывать о задачахъ социалистической пропаганды“. Объ этомъ вопросѣ надо говорить не предположительно, а категорически по той простой причинѣ, что, касаясь его, мы сталкиваемся съ закоренѣлымъ предразсудкомъ россійскихъ революціонеровъ.

Еще покойный Михайловскій, обращаясь къ нашимъ террористамъ, неправильно понимавшимъ, какъ онъ находилъ, свои политическія задачи, писалъ: „ваши убійства не заключаютъ въ себѣ ничего социалистическаго. Это актъ чисто-политической борьбы“ *). Михайловскій противопоставлялъ социализмъ политикѣ. Это противопоставленіе было догматомъ, унаслѣдованнымъ нашими революціонерами отъ Прудона и Бакунина. Съ появленіемъ марксизма этотъ догматъ былъ признанъ несостоятельнымъ: наши марксисты понимали, — хотя, впрочемъ, къ сожалѣнію, далеко не вполне понимали, — что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Но старое, столь привычное русскимъ революціонерамъ, противоположеніе социализма политикѣ не исчезло безслѣдно. Оно оставило весьма замѣтный слѣдъ въ томъ противоположеніи задачъ социалистической пропаганды задачамъ демократической агитации, съ которымъ пришлось счи-

*) Политическія письма социалиста. Письмо 2-ое (Литература социаль-но революціонной партіи „Народной Воли“, 172)

таться, какъ мы видимъ, между прочимъ, и т. Церетели. Но это новое противоположеніе такъ же неосновательно, какъ было старое.

Въ чемъ заключаются задачи социалистической пропаганды? Въ выясненіи пролетариату историческихъ условій его освобожденія. Въ нашей странѣ къ числу этихъ условій несомнѣнно относится низверженіе стараго порядка. Но низверженіе этого порядка предполагаетъ дружный напоръ на него со стороны всѣхъ тѣхъ классовъ и слоевъ населенія, которые заинтересованы въ завоеваніи политической свободы. Социалистическая пропаганда должна выяснить это пролетариату, и пролетариатъ долженъ понимать, что, когда его представители наносятъ въ Думѣ серьезный ударъ самодержавному правительству, они тѣмъ самымъ дѣлаютъ его пролетарское дѣло. А если это такъ, то ясно, что и демократическая агитація, — разумѣется, если она ведется надлежащимъ образомъ, — является однимъ изъ средствъ, безусловно необходимыхъ для рѣшенія той исторической задачи, которая выпала у насъ на долю пролетариата. Конечно, демократическая агитація не есть социалистическое дѣло въ томъ специальномъ смыслѣ, что ея непосредственной цѣлью не является устраненіе капиталистическихъ отношеній производства. Ближайшей цѣлью демократической агитаціи является, наоборотъ, созданіе такихъ условій, при которыхъ капиталистическія отношенія производства достигнутъ наибольшаго развитія. Но, какъ говорилъ еще Марксъ, рабочіе знаютъ или, по крайней мѣрѣ, должны знать, „что ихъ собственное революціонное движеніе можетъ быть только ускорено, благодаря революціонному движенію буржуазіи противъ феодальныхъ сословій и абсолютной монархіи“. А разъ пролетариатъ знаетъ или, по крайней мѣрѣ, долженъ знать это, то нелогично противопоставлять задачи социалистической пропаганды задачамъ демократической агитаціи. Демократическая агитація не есть социалистическая пропаганда; но первымъ словомъ социалистической пропаганды въ Россіи должно быть указаніе на полную необходимость демократической агитаціи. И социальдемократъ, занимающійся демократической агитаціей, не имѣетъ ни малѣйшей надобности извиняться передъ тѣми, которые вздумали бы напоминать ему объ его социалистической обязанности. Онъ имѣетъ полное право сказать имъ: „я веду демократическую агитацію именно потому, что хорошо понимаю свои обязанности социалиста“. И въ этомъ его отвѣтъ не должно быть никакого отгѣнка сомнѣнія: вмѣсто „мнѣ кажется“ онъ долженъ говорить: *я твердо и безповоротно убѣжденъ*. Други-

ми словами это значитъ, что въ своей тактикѣ т. Церетели былъ даже еще болѣе правъ, нежели онъ самъ это думалъ. И на это обстоятельство я хотѣлъ обратить вниманіе читателя, возражая т. Церетели.

Утописты, обвинявшіе въ оппортюнизмѣ нашу фракцію во второй Думѣ, особенно сердились на нее за то, что она не считала нужнымъ поворачиваться спиной къ партіи народной свободы. И эти утописты, можетъ быть, не безъ злорадства прочтутъ въ статьѣ т. Мандельберга: „Два послѣдніе дня жизни второй Государственной Думы“ печальную повѣсть о томъ, какъ вели себя кадеты, въ виду вплотную надвинувшагося государственнаго переворота. „Ага, воскликнуть, пожалуй, они; мы не даромъ нападали на партію народной свободы“. Но это будетъ одно празднословіе. Дѣло вовсе не въ томъ, хороша или дурна кадетская партія сама по себѣ, а въ томъ, можетъ-ли она при извѣстныхъ условіяхъ создать извѣстное затрудненіе для правительства. Если можетъ, — а что она все-таки можетъ, это доказывается яркой ненавистью къ ней нашей черной сотни — то пролетариатъ не имѣетъ права не пользоваться ея оппозиціей и обязанъ поддерживать ее для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей. Когда пролетариатъ пользуется оппозиціей буржуазіи и поддерживаетъ эту оппозицію для нанесенія ударовъ царизму, то не онъ служитъ буржуазіи, а буржуазія служитъ ему*). Для марксиста это понятно само собой; не понимать этого могутъ только бакунисты. И замѣчательно, что упреки въ оппортюнизмѣ, сыпавшіеся на нашу фракцію со стороны нѣкоторыхъ нашихъ социальдемократовъ, сильно смахиваютъ на тѣ обвиненія въ измѣнѣ дѣлу пролетариата, которыя посылалъ когда то Бакунинъ по адресу Маркса какъ въ своей книгѣ „Государственность и анархія“, и въ многихъ другихъ своихъ произведеніяхъ.

Я писалъ еще осенью 1905 года: реакція старается изолировать насъ; мы должны постараться изолировать реакцію. Эта моя фраза навлекла на меня, до сихъ поръ еще не остывшій, гнѣвъ нашихъ утопистовъ. Изъ „Протоколовъ первой конференціи военныхъ и боевыхъ организацій Россійской Социальдемократической Рабочей Партіи, состоявшейся въ ноябрѣ 1906 г.“, я вижу, что не далѣе, какъ наканунѣ выборовъ во вторую Думу нѣкоторые изъ моихъ товарищей считали эту мою фразу до послѣдней степени преступной.

*) См. подробнѣе объ этомъ въ моей брошюрѣ „Мы и они“. С.П.Б. 1907 г.: мой отвѣтъ т. Р. Люксембургъ на одномъ изъ засѣданій нашего лондонскаго съѣзда.

У нихъ выходило, что стараться изолировать реакцію значитъ стараться изолироваться отъ революціи. Такъ думалъ, напримѣръ, т. Львицкій, читавшій на указанной конференціи докладъ „о текущемъ моментѣ“. Мнѣ очень жаль, что, какъ видно изъ тѣхъ же протоколовъ (стр. 79), стенограмма доклада т. Львицкаго осталась неразобранной, вслѣдствіе чего я не могу узнать, въ какихъ именно выраженіяхъ гремѣлъ противъ меня этотъ товарищъ. Объ его громахъ я сужу, главнымъ образомъ, на основаніи рѣчи т. Альбина, который, возражая ему, говорилъ:

„Докладчикъ особенно нападалъ на тов. Плеханова за требованіе, обращенное имъ къ партіи, объ изоляціи реакціи. Изолировать реакцію, по мнѣнію т. Львицкаго, то же самое, что изолироваться отъ революціи. Недоумѣваю, чѣмъ вызвано подобное категорическое утвержденіе т. Львицкаго; я могу объяснить его только тѣмъ, что онъ забылъ, что, кромѣ либеральной буржуазіи, существуетъ еще крестьянство и довольно демократическіе и даже радикальные слои мелкой буржуазіи. Отъ либеральной буржуазіи намъ придется изолироваться рано или поздно, такъ какъ наши требованія всегда превзойдутъ ихъ программу. Мы даже увидѣли ихъ въ станѣ нашихъ враговъ, но не думаю, чтобы тов. Плеханову это было извѣстно менѣе, чѣмъ намъ“*).

Тов. Альбинъ былъ правъ, говоря, что намъ рано или поздно придется совершенно изолироваться отъ буржуазной оппозиціи; онъ былъ бы еще болѣе правъ, если бы нѣсколько иначе выразилъ свою мысль. Для большей точности ему слѣдовало сказать, что либеральная и даже радикальная буржуазія рано или поздно *изолируетъ себя* отъ революціоннаго пролетаріата. Но, во-первыхъ, тутъ естественно возникаетъ вопросъ: когда это будетъ? А во-вторыхъ, надо спросить себя: не долженъ ли пролетаріатъ въ интересахъ своей борьбы со старымъ порядкомъ стараться использовать оппозицію либеральной и радикальной буржуазіи, даже въ томъ случаѣ, когда буржуазія эта начнетъ изолировать себя отъ него? Тактически наша либеральная и радикальная буржуазія уже начала изолировать себя отъ пролетаріата, но это обстоятельство еще не помирило ее со старымъ порядкомъ. Сознательный, организованный пролетаріатъ поступилъ бы въ лицѣ своей политической партіи совершенно нецѣлесообразно, еслибы онъ своей тактикой способствовалъ примиренію буржуазіи со старымъ порядкомъ вмѣсто того, чтобъ обо-

*) Ibid. стр. 80.

стрять ее столкновеніемъ съ нимъ. Этимъ онъ оказалъ бы громадную услугу своимъ врагамъ, т. е. сильно повредилъ бы своему собственному дѣлу. А кромѣ того всѣ споры, имѣвшіе мѣсто на конференціи военныхъ и боевыхъ организацій, съ ясностью показываютъ, что участники этой конференціи были очень плохо знакомы съ тогдашнимъ настроеніемъ крестьянства. Они всѣ думали, что крестьянство достаточно созрѣло въ политическомъ отношеніи для того, чтобы активно поддерживать революціонныя выступленія пролетаріата. Поэтому, — и только поэтому, — они и могли говорить, что „русская революція, какъ движеніе народныхъ массъ, закончила періодъ „мирной“ борьбы и выступила на путь вооруженнаго возстанія“*). Еслибы это было вѣрно, то намъ въ самомъ дѣлѣ не было бы ни малѣйшей нужды и никакой пользы задумываться о необходимости обострять антагонизмъ либеральной и радикальной буржуазіи со старымъ порядкомъ: чтобы повалить врага, достаточно было бы соединенныхъ силъ пролетаріата и крестьянства**). Бѣда въ томъ, что это было совсѣмъ не такъ. А что это было совсѣмъ не такъ, какъ нельзя болѣе ясно видно изъ цитированной мною выше статьи т. Митрова. Она показываетъ, что народъ, — т. е., какъ я оговаривался выше, главнымъ образомъ крестьянинъ, — отнюдь не собирался выступать тогда „на путь вооруженнаго возстанія“ и даже очень недвусмысленно рекомендовалъ „тактику безсилія“. А между тѣмъ именно этимъ совершеннымъ непониманіемъ тогдашняго настроенія народа и объясняются нападки, сыпавшіяся на нашу фракцію во второй думѣ со стороны нашихъ, будто-бы лѣвыхъ, товарищей. Считая крестьянство уже достаточно воспитаннымъ для немедленнаго революціоннаго дѣйствія, эти, будто-бы лѣвые, товарищи, естественно должны были съ предубѣжде-

*) Ibid. стр. 59, докладъ т. Варина „О бывшихъ попыткахъ вооруженнаго возстанія“.

**) Въ сущности, это протівоположеніе крестьянства буржуазіи неправильно: въ самомъ крестьянствѣ очень много буржуазнаго — точнѣе, *мелкобуржуазнаго*. Но я удерживаю это противопоставленіе потому, что оно сдѣлано тов. Альбинымъ, и еще потому, что оно давно приобрѣло прочность предрасудка въ голъвахъ нашихъ противниковъ-утопистовъ. Я хочу показать имъ, что они были не правы даже съ точки зрѣнія этого, по существу ошибочнаго противопоставленія. Что же касается того соотношенія силъ, которое явилось бы въ результатѣ надлежащаго политическаго воспитанія крестьянства, то, чтобъ составить себѣ настоящее представленіе о немъ, нужно только вспомнить, что солдатъ есть плоть отъ плоти и кость отъ костей крестьянина. Достиженіе крестьяниномъ надлежащей степени политическаго развитія означало бы, что штыки, пушки и сабли „работали“ бы не противъ насъ, а за насъ!

ніемъ смотрѣть на ту задачу систематическаго развитія политическаго сознанія народа, которую фракція себя ставила. Естественно было и то, что, смотря съ презрѣніемъ на эту задачу, наши, будто-бы лѣвые, товарищи не способствовали рѣшенію этой задачи, а сильно мѣшали ему. И въ этомъ заключался едва-ли не главный трагизмъ положенія нашей фракціи. То, что представляется въ ея положеніи трагичнымъ г. Митрову, — несоотвѣтствіе политической силы народа радикальному характеру его экономическихъ требованій, — было въ дѣйствительности такъ естественно, что не могло оставаться надолго источникомъ смущенія для нашихъ товарищей въ Думѣ. И мы видимъ, что наша фракція очень скоро перестала смущаться указаннымъ несоотвѣтствіемъ и даже намѣтила рядъ цѣлесообразныхъ дѣйствій, направленныхъ къ его устраненію. Представителямъ революціоннаго пролетаріата, стоявшимъ на точкѣ зрѣнія Маркса, не трудно было объяснить себя политическую отсталость крестьянства съ точки зрѣнія исторической необходимости. Несравненно труднѣе было взглянуть съ точки зрѣнія этой необходимости на политическую отсталость своихъ собственныхъ товарищей, — тѣхъ людей, которые, заучивъ свойственную марксизму терминологию, съ гордостью говорили, что ихъ дѣятельность является сознательнымъ выраженіемъ бессознательнаго историческаго процесса. Но какъ бы тамъ ни было, а несомнѣнно, что истина была на сторонѣ нашей фракціи, а не на сторонѣ ея хулителей. И чѣмъ дальше дѣятельность этой фракціи будетъ отодвигаться въ глубь времени, тѣмъ съ большей ясностью будетъ обнаруживаться вполне цѣлесообразный характеръ ея тактики.

Вотъ почему каждый разъ, когда предъ нами встаетъ вопросъ о томъ, какъ должны мы пользоваться уроками прошлаго, какъ должны мы поступать, чтобъ російскій народъ получилъ, наконецъ, возможность силой поддержать свое несомнѣнное право, мы не можемъ дать на него другой отвѣтъ, кромѣ вотъ этого:

Мы должны продолжать работать въ томъ направленіи, въ какомъ работала наша фракція во второй Думѣ; мы должны выполнить ея завѣщаніе насчетъ политическаго воспитанія нашего народа.

А что ея завѣщаніе выполнимо, ручательствомъ за это является тотъ фактъ, что даже правые крестьяне снова и снова выдвигаютъ „великое національное требованіе земли“, и что когда они выдвигаютъ его, это „великое національное требованіе“, они, по весьма характерному признанію на-

шихъ охранителей, ведутъ, — да, конечно, также и чувствуютъ себя, — въ третьей думѣ такъ, какъ-будто бы они находились въ непріятельскомъ лагерѣ.

Der Widerspruch ist das Fortleitende, говаривалъ старикъ Гегель: *противорѣчіе ведетъ впередъ!*

Г. Плехановъ.